

Военные перевороты в Турции как один из способов прихода элит к власти

Military coups in Turkey as one of the approaches of the elites' coming to power

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-2-274-287

УДК 32: 94(560)

Получено: 20.03.2026

Одобрено: 20.05.2026

Опубликовано: 25.06.2026

Юссеф Луай

Аспирант факультета политических и социальных наук, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва

e-mail: l.youssef.v.90@gmail.com

Youssef Louai

Postgraduate Faculty Political and Social Sciences, Russian State Social University, Moscow

e-mail: l.youssef.v.90@gmail.com

Аннотация

Исследование посвящено определению места военного истеблишмента в политических процессах Турции и анализу вероятности переворотов в этом государстве. Методологическую основу составил междисциплинарный подход, при котором аналитический метод применялся для обработки собранного материала и обоснования выводов, а исторический – для хронологического упорядочения фактов. Воинские склонности издавна отличали турок, и успехи армии в политической сфере подтверждают это обстоятельство – прежде всего при формировании и территориальном расширении Османской империи. После Первой мировой войны западные армии оккупировали Анатолию, однако были разгромлены, что позволило создать современную Турецкую Республику, а армия стала ключевым участником этих событий. Престиж и народное уважение, которые вооруженные силы приобрели в ходе национально-освободительной борьбы, закрепили за ними функцию охраны светского строя. Во второй половине XX в. турецкие военные организовали четыре переворота ради сохранения политического влияния. Партия справедливости и развития, придя к власти, существенно изменила расстановку сил: конституционные поправки и ликвидация прежних политических полномочий армии ослабили ее позиции, турецкое общество оказалось глубоко поляризовано, отношения между политической и военной элитой обострились, что вылилось в провалившуюся попытку переворота в июле 2016 г. Теоретическую значимость статьи определяет систематизация сведений о военных переворотах в Турции с выявлением их причин и влияния на политическую систему. Практическая ценность связана с авторскими прогнозами: новый переворот возможен примерно к 2028 г. при условии, что Р.Т. Эрдоган инициирует конституционные изменения для продления полномочий либо передаст власть преемнику, лишенному сопоставимого контроля над политическим истеблишментом страны.

Ключевые слова: Турция, Партия справедливости и развития, военный переворот, армия, политическая элита, военная элита.

Abstract

The military establishment has shaped Turkey's political trajectory since the Ottoman era, when armed forces secured territorial expansion and consolidated imperial authority. After the First World War, Western armies occupied Anatolia, and the military responded by defeating these forces to establish the modern Turkish Republic. Victory elevated the army to exceptional prestige among citizens, transforming it into the guardian of secular governance and constitutional order. This research examines how the military functions within Turkish political life and evaluates the probability of future coups. An interdisciplinary methodology combines analytical techniques with chronological historical processing to substantiate the findings. Turkish martial traditions extend to antiquity, though the armed forces' active political engagement during Ottoman expansion reinforced these tendencies considerably (the institution accumulated both symbolic capital and practical governing experience across centuries). Four coups during the second half of the twentieth century demonstrated the military's determination to preserve its influence over civilian politics. The Justice and Development Party's ascent brought fundamental change. Constitutional amendments enacted by the ruling party stripped the armed forces of numerous political prerogatives, curtailing authority that generals had exercised for decades. Turkish society fractured along deep ideological lines; relations between elected leaders and military elites deteriorated steadily until tensions exploded in the failed coup attempt of July 2016. This article contributes theoretically by systematizing information about Turkey's military interventions while tracing their causes and consequences for the broader political system. The practical dimension involves forecasting future possibilities. Another coup attempt may occur by 2028 under particular conditions: should President R.T. Erdogan pursue constitutional amendments extending his tenure, or should his eventual successor lack comparable power and control over Turkey's political establishment.

Keywords: Turkey, Justice and Development Party, Military coup, Army, political elite, military elite.

Введение

Турецкое военное ведомство среди политических институтов страны занимает совершенно особое положение, поскольку представляет собой старейшую структуру с наиболее отлаженной организацией. Склонность к милитаризму укоренилась в турецкой культуре еще в древности. Государство Сельджуков, а затем Османская империя закрепили эту черту, возложив на армию защиту имперских границ и их расширение за счет соседних территорий, что постепенно наделило военных таким могуществом, что они начали соперничать с самими султанами. Республика 1923 г. возникла при решающем участии армии, а культурное наследие Турции, выраженное в лозунге «Каждый турок рожден солдатом», обеспечило глубокое народное почтение к вооруженным силам. Военные закономерно превратились в центральный орган, определявший политический курс государства. Любые попытки ослабить их влияние встречали отпор в форме переворотов. Ситуация изменилась с приходом Партии справедливости и развития: правительство добилося конституционных ограничений политической активности армии, сведя ее задачи к отражению внешних угроз, а после неудавшегося переворота 2016 г. власти провели масштабную чистку вооруженных сил, сопровождавшуюся арестами.

Актуальность данной статьи обусловлена попыткой автора выявить истоки и основополагающие факторы, позволяющие военному ведомству стать центральным институтом принятия политических решений в стране. Следует отметить, что все конституции Турецкой Республики (1924, 1961 и 1982 г.) были приняты в результате военных переворотов. С момента основания Турецкой Республики в 1923 г. и до 1993 г. все президенты Турции были представителями военных кругов, за исключением Джелала Баяра, приговоренного к пожизненному заключению после первого переворота в 1960 г., и Тургута Озала, который внезапно скончался, находясь у власти, и после его смерти появились сообщения, что его отравили военные.

При написании статьи автором использовались такие термины, как:

Армия янычар — это главная военная сила Османской империи, которая внесла значительный вклад в большинство военных побед, одержанных в то время. Значительная часть ее личного состава была воспитана на исламских принципах, а интеллектуальной основой был метод бекташи.

Военный переворот — это процесс, при котором военная элита использует имеющиеся в ее распоряжении силовые средства для свержения законного правительства. Государственный переворот считается одним из старейших и наиболее жестоких способов прихода элиты к власти.

Целью исследования является выявление роли военной элиты в политической жизни Турции и попытка прогнозирования возможности осуществления нового военного переворота в стране.

Обзор научной литературы

Проблематика военных переворотов в Турции в качестве одного из способов смены правящих элит неоднократно обсуждается как в научной, так и в публицистической литературе. Так, например, коллектив авторов в своей статье, посвященной первому в истории Турции военному перевороту, осуществлённому весной 1960 г., подробно разбирает его причины и последствия для политической системы страны. Авторы полагают, что непопулярные действия Демократической партии (репрессивная политика, либеральные экономические преобразования, которые привели к кризису и социально-экономическим проблемам) подтолкнули оппозиционные силы (прежде всего лидеров Народно-республиканской партии) на объединение с армией для реализации военного переворота и созданию Комитета национального единства (состоявшего из лидеров НРП и генералитета) [19, с. 208].

Изучая попытку военного переворота летом 2016 г., К. Азимов рассматривает разные версии и причины, способствующие этому событию, начиная от версии о «параллельном государстве» (движение «Хизмет» Ф. Гюлена) до озвучиваемых в турецкой прессе версий относительно роли внешних сил (т.е. воздействия из-за рубежа), либо внутренних расколов в воинских подразделениях и генералите (т.е. военной элите). Автором данной публикации предпринимается попытка определить, была ли это заранее спланированная акция, направленная на «спасение государства», либо это была борьба межэлитных военных группировок за власть в стране [3, с. 83].

Комплексный анализ факторов (нарастание нестабильности в стране накануне военного мятежа, теракты в Стамбуле и Анкаре), повлиявших на попытку военного переворота в Турции летом 2016 г., предприняли Р. Сулейманов и К. Хикметов, полагающие, что одним из ключевых факторов, способствующих данному событию, стал нерешенный властями Турции курдский вопрос (о чем свидетельствуют возобновившиеся с июля 2015 г. ожесточенные бои в регионе Турецкого Курдистана) [16, с. 85].

Политическая роль военной элиты в Турции привлекла внимание многочисленных исследователей. Т. Абдул Джалил в своей работе [1] стремился установить истоки силы и влияния турецкой армии; по его заключению, милитаристский склад турецкого общества объясняет центральное положение армии в политической жизни страны на протяжении столетий. Конституция Турции, как показал автор, создавалась для укрепления политических позиций военных. Джалил также рассмотрел причины военных переворотов XX в. и действия Партии справедливости и развития, направленные на подчинение армии гражданскому контролю.

Хилал Р. [21] предлагает альтернативную интерпретацию, усматривая в происходящем соперничество за власть между военной и религиозной исламской элитами. Противостояние обострилось после того, как Наджмуддин Эрбакан, возглавлявший Партию благоденствия, занял пост премьер-министра. Переворот 1980 г. стал центральным объектом анализа в силу радикальных трансформаций политического устройства страны, которые он повлек за собой. Хилал Р. фиксирует фундаментальный изъян в определении турецкой идентичности:

колебание между ататюркским секуляризмом (гарантом которого выступает армия) и возвратом политического ислама, неизбежным, по мнению части общества.

Приведенный обзор научной литературы охватывает далеко не все существующие исследования, однако подтверждает актуальность избранной темы; вопрос о месте вооруженных сил Турции в политических процессах по-прежнему остается дискуссионным и требует дальнейшего изучения.

Методы

Автор статьи, опираясь на аналитический метод, установил причины той ключевой политической роли, которую армия играет в Турции со времен основания государства. Исследование выявило факторы силы, служившие опорой турецкому военному институту на протяжении всей его истории. В работе дана оценка результативности ограничительных мер Партии справедливости и развития против политического влияния военных, обозначены обстоятельства, способные в перспективе создать условия для повторного переворота.

Исторический метод позволил систематизировать сведения о факторах, которые закрепили за турецкими вооруженными силами ключевые позиции в политическом устройстве государства, причем истоки этого влияния уходят в османскую эпоху, когда армия расширяла имперские владения под знаменем распространения ислама. Борьба за независимость и провозглашение Республики в 1923 г. еще прочнее связали военных с судьбой нации. Перевороты двадцатого столетия подтвердили устойчивое воздействие армии на внутривнутриполитические процессы. Последовательное рассмотрение этих событий выявило преемственность роли вооруженных сил на разных этапах турецкой истории.

Результаты анализа

Истоки милитаризма у турок. Истоки воинственности древних тюрков восходят к эпохе формирования первых племен, практиковавших завоевательные походы, и именно тогда складывался особый тип личности, ориентированной на постоянную боевую готовность. Война не воспринималась как отдельная государственная функция – она определяла сам уклад жизни, при котором армию составляли все способные держать оружие. «Китайские источники фиксируют угрозу, которую тюрки представляли для безопасности империи; некоторые исследователи полагают, что это обстоятельство послужило одной из причин возведения Великой Китайской стены» [1, с. 18-19].

Принятие ислама усилило милитаристские традиции турок, которые проявляли особый интерес к армии, призванной занимать чужие территории под знаменем распространения и защиты новой веры. Турецкие вооруженные силы сыграли ключевую роль при создании Сельджукского государства, а впоследствии и Османской империи. Высокое положение армии внутри страны подтолкнуло ее предводителей к участию в политических делах наряду с исполнением военных обязанностей.

Угроза султанской власти со стороны янычарского войска обозначилась уже в период формирования Османской империи, когда этот военный корпус превратился из опоры трона в источник постоянной нестабильности. Янычары низложили Баязида II, Ахмеда III, Мустафу I и Мустафу II; убили Османа II, Ибрагима I, Мустафу IV и Салима III; возвели на престол Салима I, Мустафу I, Мурада IV, Мохаммеда IV и Сулеймана II. Помимо череды переворотов, войско систематически требовало от правителей материальных привилегий и политических уступок, превращая каждую смену власти в повод для новых притязаний.

Султан Махмуд II в 1826 г. ликвидировал янычарский корпус: казармы взорвали, уцелевших изгнали из столицы. Взамен он учредил новые вооруженные силы, ставшие основой для будущей турецкой армии и построенные на принципиально иных началах подчинения центральной власти. Реформы затронули организацию и подготовку войск, появились четкие стандарты военной службы, а административные функции у армии изъяли, чтобы исключить повторение прежней ситуации, при которой вооруженная сила становилась самостоятельным политическим игроком.

Черета военных неудач, преследовавших империю на протяжении XVIII–XIX столетий, вынудила османское руководство приступить к масштабному преобразованию вооруженных сил. Одно за другим открывались военные учебные заведения, а система подготовки офицерского состава подверглась коренному пересмотру – молодых офицеров направляли в европейские государства, где они осваивали передовой опыт и постепенно формировали собственное представление о путях спасения державы от упадка. Из этой среды складывалось обновленное политическое ядро: военные все настойчивее заявляли о своих притязаниях на участие в государственных делах. Учащиеся военных училищ основали ассоциацию «Единение и прогресс», офицеры которой в январе 1913 года предприняли штурм Оттоманской Порты. Министр войны погиб, великий визирь был смещен, власть перешла к заговорщикам [1, с. 31].

Генерал Мустафа Кемаль Ататюрк основал современную Турецкую республику после победы в войне за независимость против европейских держав, стремившихся расчленить страну согласно условиям Севрского договора 1920 г. Столь весомая роль армии в создании нового государства привела к тесному переплетению гражданских и военных функций. Ататюрк опирался на вооруженные силы при ликвидации османского халифата и подавлении оппозиции своему политическому курсу, а армия превратилась в хранительницу кемалистского режима. Закон о внутренних миссиях армии 1935 г. закрепил эту роль законодательно: «статья 34 возлагала на вооруженные силы защиту турецкой родины и Республики, статья 35 наделяла их правом захвата власти при угрозе республиканскому строю и демократии» [12, с. 109]. Армия получила официальные полномочия вмешиваться ради спасения основополагающих принципов Турецкой Республики.

После провозглашения республики армейское командование заняло господствующие позиции в политической системе Турции, и «командиры дивизий с армий получали депутатские мандаты, тогда как военным в целом досталась пятая часть парламентских кресел» [1, с. 46]. Ататюрк преобразовал разрозненные военные комитеты по всей стране в единую доминирующую политическую силу. Офицеры постепенно проникали через структуры Республиканской народной партии в государственные учреждения и административные органы, а правительство выделяло на армейские нужды значительную бюджетную долю, укрепляя тем самым экономическое положение вооруженных сил.

Мустафа Исмет Иненю стал вторым президентом Турецкой Республики при непосредственном участии вооруженных сил, когда парламентарии единогласно утвердили его кандидатуру в обстановке, исключавшей иной исход. В день голосования генерал-лейтенант Фахреттин Алтай, командовавший первой армией, вывел к зданию парламента командиров корпусов, дивизий и подчиненные им подразделения, фактически окружив его [1, с. 60–61]. Подобное вмешательство армейского руководства в политический процесс породило острое соперничество между партиями за расположение офицерского корпуса. Отставных военных охотно принимали в партийные структуры, рассчитывая через них наладить связи с военным ведомством и застраховаться от переворота.

После Второй мировой войны турецкая политическая система претерпела глубокие изменения: страна отказалась от однопартийного режима, вступила в НАТО и оказалась втянута в противостояние сверхдержав, параллельно начав сближение с европейскими структурами через присоединение к общему рынку. Новый внешнеполитический курс требовал ослабления влияния военных кругов на государственное управление и сокращения их присутствия в политической жизни.

Характер взаимоотношений между гражданским и военным ведомствами. привлек внимание теоретиков и мыслителей преимущественно во второй половине XX в., когда военные перевороты участились во многих странах и потребовали осмысления. Часть исследователей сосредоточилась на объяснении интервенционистского поведения армии: американский политик Альфред Степан «предложил концепцию нового профессионализма, согласно которой армия воспринимается как институт, способный решать задачи за пределами

традиционной сферы обороны – строить национальное государство, содействовать развитию и социальной интеграции» [10, с. 21].

Другие авторы искали глубинные причины подобного поведения. Сэмюэл Хантингтон связывал проблему с политической и институциональной структурой самого общества: «слабость гражданских ведомств и политизация армии гражданскими силами, неспособными справиться с вызовами и хаосом» [10, с. 72].

Для описания различных типов взаимоотношений между военным институтом и государством были разработаны три модели армий. «Первая – преторианская армия, понятие которой отражает склонность военных вмешиваться в государственные дела. Вторая – профессиональная армия, характерная преимущественно для промышленно развитых стран, где военно-гражданские отношения строятся на принципе гражданского суверенитета над вооруженными силами. Третья – профессиональная революционная армия, сохраняющая независимость в государстве, национальная идеологическая составляющая которого охватывает все общество» [21, с. 11].

Теория «естественного хода», разработанная Данквартом Растоу, раскрывает логику, которой руководствуются организаторы переворотов, воспринимающие свои действия через призму трех ключевых допущений. «Армия, согласно этим убеждениям, обладает необходимыми возможностями для проведения преобразований и остается единственной силой, способной их реализовать. Само вмешательство военных оправдывается наличием переходного кризиса, преодолеть который можно лишь через радикальное изменение социальной структуры и политического устройства посредством государственного переворота» [21, с. 7-8].

Турецкая армия неоднократно меняла организационные модели, и каждая трансформация отражала исторический контекст эпохи. В османский период вооруженные силы носили интернациональный характер: в казармах служили солдаты различных национальностей, этнических групп и вероисповеданий, которых объединяла идея имперского единства. После Первой мировой войны армия стала национальной и приняла на себя миссию освобождения Турции от оккупации. Завершение Второй мировой войны вместе с переходом к многопартийной системе обострило противоречия между гражданскими и военными институтами относительно будущего устройства вооруженных сил. Военное руководство добивалось закрепления преторианской модели, гражданские же власти стремились выстроить профессиональную армию в ее современном понимании.

Теория «естественного хода» Данкварта Растоу применима и к турецкому случаю. Военное ведомство при каждом перевороте апеллировало к необходимости защиты конституции и государственного строя, ссылаясь на неспособность политических партий преодолеть кризисы, с которыми сталкивалась страна.

Восстановление политического влияния армии посредством военных переворотов.

Турецкая армия неоднократно прибегала к переворотам, обосновывая свои действия необходимостью защиты светских ататюркистских устоев, и хотя каждое подобное выступление обладало собственной спецификой и причинами, неизменной оставалась установка на отстаивание корпоративных интересов военных и подтверждение их влияния на политические процессы в стране. Перевороты опирались на правовые нормы, которые командование трактовало как юридическое обоснование вмешательства: офицерский корпус, согласно этой логике, нес обязанность защищать государственные устои. Вооруженные силы воспринимали собственные действия не как захват власти, а как конституционно предписанную меру охраны республиканского строя.

В мае 1960 г. Турция пережила первый военный переворот своей новейшей истории, и причины его коренились в глубоком недовольстве младшего офицерского корпуса. Экономическое положение этих офицеров резко ухудшилось, социальный престиж упал, а либеральная политика Демократической партии породила инфляцию, которая к середине 1950-х годов ударила по ним особенно болезненно. Они возлагали на политическое руководство ответственность за слабость вооруженных сил – ту самую слабость, из-за которой

страна оказалась неспособна участвовать во Второй мировой войне. Сопоставляя себя с предшественниками, со старшими офицерами, с коллегами из других стран НАТО, младшие офицеры приходили к выводу, что лишены статуса и влияния, которые им подобают.

Стремление вернуть армии утраченный престиж и политическое влияние стало главным мотивом переворота, хотя предпосылок для него существовало немало. Заговорщики, захватив власть, сосредоточились на создании новой Конституции 1961 г., которая должна была заменить прежнюю Конституцию 1923 г. Введенные в нее положения позволили военным укрепить собственные позиции: ключевой здесь оказалась ст. 11 о формировании Совета национальной безопасности. Руководители военного ведомства получили через нее «право участвовать в управлении и играть политическую роль на постоянной конституционной основе» [1, с. 111].

Полковник Талат Айдемир дважды пытался совершить государственный переворот после событий 1960 г.: «сначала в 1962 году, затем в 1963-м. Обе попытки оказались неудачными. Айдемира казнили, а сотни офицеров были брошены в тюрьму или высланы за пределы страны» [4, с. 264].

Раскол Турции в 1970-х годах на левые течения, лояльные социализму, и правые течения, враждебные коммунизму, в сочетании с многочисленными экономическими кризисами привели ко второму военному перевороту в марте 1971 г. Руководство армии опубликовало меморандум в форме предупреждения премьер-министру, требуя от него проведения быстрых экономических и социальных реформ для устранения причин недовольства и хаоса, в противном случае армия воспользуется своим конституционным правом и возьмет на себя управление страной [21, с. 18]. Армия сохранила существующий конституционный порядок и лишь внесла некоторые поправки в конституцию, предоставившие военной элите более широкие полномочия.

В 1970-х годах в Турции царила беспокойная политическая и экономическая обстановка, характеризующаяся партийными спорами и расколами. Кроме того, по стране прокатилась волна левого и правого насилия, поставившая страну на грань гражданской войны. Непосредственной искрой третьего военного переворота стал фестиваль, проведенный Партией национального алсалама в городе Конья, в котором приняло участие большое количество турок, «скандировавших лозунги, враждебные светскому режиму, и призывавших к созданию исламского государства» [12, с. 26].

Затем в сентябре 1980 г. армия во главе с генералом Кенаном Эвренем совершила переворот против гражданских властей. Этот переворот был осуществлен под предлогом «избавления Турции от политического хаоса, восстановления порядка и борьбы с коммунизмом и левыми идеологиями» [15, с. 37]. Парламент был распущен, политические партии прекратили свою деятельность, и было введено военное положение.

Военное учреждение приняло новую конституцию в 1982 г., в которой было закреплено доминирование военных и их влияние на политическую жизнь. Новая конституция включала «назначение генералов в рамках большого числа государственных департаментов и учреждений, расширяя сферу действия объявления чрезвычайного положения и военного положения, и внесение изменений в полномочия Совета национальной безопасности, с тем, чтобы его решения не являлись рекомендациями, которые он представлял на рассмотрение Совета министров, а являлись решениями» [17, с. 75-76]. Статьи новой конституции способствовали осуществлению радикальных изменений в политической системе Турции и в характере отношений, которые связывают военное ведомство с другими гражданскими ведомствами.

Многие историки называют четвертый военный переворот в феврале 1997 г. «постмодернистским переворотом», поскольку экономические и политические условия в Турции не позволяли осуществить военный переворот в его явной форме. Это было особенно важно, поскольку в то время Турция готовилась подать заявку на членство в ЕС, ранее ей несколько раз отказывали из-за несоответствия демократическим стандартам.

Этот переворот проявился в оказании различного рода политического и медийного давления на правительство Неджметтина Эрбакана, которое достигло своего пика на заседании Совета национальной безопасности 28 февраля 1997 г., где Совет представил правительству ряд рекомендаций. В этих рекомендациях говорилось: «Необходимость защиты принципа светскости, недопущения эксплуатации общественного мнения религиозными институтами, необходимость прекращения деятельности суфийских орденов, предотвращения проникновения верующих в вооружённые силы» [5, с. 132-133]. Военные также оказывали давление на депутатов «Партии верного пути», вынуждая их уйти с поста, чтобы вызвать распад правительственной коалиции, что «привело к сокращению числа депутатов этой партии со 135 до 95, в результате чего правительство утратило большинство мест в парламенте» [11, с. 103-104]. Этот переворот закончился отставкой Неджметтина Эрбакана и роспуском партии благоденствия.

Примечательно, что турецкая армия сумела осуществить четыре успешных военных переворота, продемонстрировав свою силу и мощь. Немногие армии мира могут быть уверены в том, что получают достаточную поддержку для совершения переворота без краха государства. Примечательно, что ни один из этих переворотов не встретил народного сопротивления.

Военные перевороты были не единственным способом вмешательства военной элиты в политическую жизнь Турции. Она оказывала давление на политическое руководство и навязывала свою точку зрения по многим вопросам. Так оказывалось военным истеблишментом влияние на президента Тургута Озала с целью не допустить прямого участия Турции во Второй войне в Персидском заливе в 1991 г. Вспомним заявления военного истеблишмента в 2003 г. против решения турецкого правительства поддержать план бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана в отношении Кипра [2, с. 97].

Партия справедливости и развития устанавливает гражданский надзор за военным истеблишментом. Приход к власти Партии справедливости и развития привёл к изменению характера гражданско-военных отношений в Турции. Партия справедливости и развития воспользовалась недовольством населения, вызванным продолжающимся вмешательством военных в политическую жизнь, и представила это вмешательство как серьёзное препятствие на пути вступления Турции в Европейский союз. Партия справедливости и развития попыталась посредством ряда законодательных и конституционных поправок изменить ситуацию, которая ранее позволяла армии вмешиваться в политическую жизнь. Партии в реализации этих мер помогла ее политика «нулевых проблем» с соседними странами, что снизило вероятность военного конфликта, поскольку Турция больше не сталкивалась ни с какой региональной военной мощью, тем самым снижая важность армии в защите Турции от внешних угроз.

Поправки, внесенные Партией справедливости и развития, включали «отмену статьи 35 Закона о военной службе, на которой основывались все предыдущие военные перевороты, а также внесение поправок в статьи, предусматривающие членство генерала в Верховном совете по образованию и Союзе радио и телевидения, впервые эти два учреждения стали полностью гражданскими, а парламентским комитетам и Министерству финансов было разрешено проверять расходы военного ведомства, которые считались государственной тайной» [18, с. 94-95]. Кроме того, были упразднены Высшие военно-административные суды и военные средние школы.

Изменения также включали сокращение влияния «Совета национальной безопасности», который военная элита долгое время использовала для утверждения своей власти. Статья, предусматривающая, что «генеральный секретарь Совета национальной безопасности должен назначаться из числа военнослужащих в звании генерал-лейтенанта», была отменена, и «гражданское лицо теперь может занять пост председателя Совета» [18, с. 94]. Число гражданских членов Совета национальной безопасности было увеличено с 4 до 9 чел. по сравнению с 5 военнослужащими [17, с. 78]. Также были отменены положения, предоставлявшие Секретариату Совета национальной безопасности доступ к секретной информации и документам. В результате Совет национальной безопасности утратил своё

прежнее главенствующее положение и стал консультативным органом, аналогичным комитетам в некоторых других странах.

Турецкая армия попыталась совершить новый государственный переворот в июле 2016 года, и «лидеры этого государственного переворота назвали себя "советом мира на родине", то же название было дано лидерам государственного переворота 1960 года» [8, с. 37]. В попытке переворота участвовало более 8000 военнослужащих, было использовано 35 боевых самолетов, 37 вертолетов, 74 танка, 246 бронемашин и 3 корабля [9, с. 37]. Армия взяла под свой контроль аэропорты Стамбула и Анкары, штаб-квартиру правящей партии в столице, а также некоторые средства массовой информации и правительственные учреждения. Здания парламента, службы разведки и управления безопасности также подверглись бомбардировке, в дополнение к покушению на президента Реджепа Тайипа Эрдогана.

Успешный побег президента Турции из отеля, где он остановился, стал одним из главных факторов провала переворота. Эрдоган выступил на телеканале CNN Turk и призвал своих сторонников собраться в аэропортах и на площадях. Мечети также использовались для того, чтобы призвать людей выйти на улицы. Большинство откликнувшихся на призыв Эрдогана принадлежало к консервативно-правому крылу, и одной из причин, по которой их привлекли на улицы, стали громкие призывы к молитве из мечетей [4, с. 120].

Попытка переворота в 2016 г. предоставила Партии справедливости и развития удобную возможность начать ожесточенную кампанию против военной элиты, и эта ситуация привела к тому, что турецкие военные впервые оказались в ситуации, когда им пришлось защищаться от гражданских властей. Военные оказались не в состоянии защитить сотни офицеров, которые были подвергнуты длительным судебным разбирательствам, большинство из которых закончились тюремным заключением или увольнением со службы. После попытки государственного переворота турецкое правительство «закрыло военные колледжи, а начальник штаба армии был прикреплен к Министерству обороны, и его независимость от него была отменена» [7, с. 339].

Меры Партии справедливости и развития включали «увеличение гражданского представительства в Высшем военном совете (таким образом, чтобы 10 из них были гражданскими лицами, а 4 — офицерами), и военные госпитали были присоединены к Министерству здравоохранения, командования жандармерии и береговой охраны — к Министерству внутренних дел, крупные военные казармы были перенесены за пределы стратегических городов, таких как Стамбул и Анкара, в дополнение к тому, что выпускникам высших школ имамов и (религиозных) проповедников было разрешено поступать в военные научные учреждения» [20, с. 207].

Турецкое правительство нарушило демократические стандарты, заключив в тюрьмы десятки тысяч военнослужащих, профессоров университетов и судей. После переворота 2016 г. «были уволены 169 генералов и адмиралов, что составляет примерно половину численности генералов и адмиралов в турецких вооружённых силах» [13, с. 173]. Около 5000 судей и прокуроров были уволены, что составляет треть всех судей и прокуроров Турции [14, с. 152]. Также были уволены тысячи офицеров и десятки тысяч других служащих.

По данным Министерства юстиции Турции за июнь 2020 г. около 200 000 чел. всё ещё находятся под следствием или ожидают судебного преследования. Более 25 000 чел. либо задержаны, либо отбывают наказание в тюрьме [14, с. 138-139]. Такое большое количество участников попытки переворота 2016 г. противоречит заявлениям Эрдогана о том, что виновниками была лишь горстка солдат, лояльных движению Фетхуллага Гюлена, действовавших вне вертикали командования. На самом деле, в попытке переворота 2016 г. участвовали и планировали его десятки тысяч турецких военачальников.

Перспективы вероятности военного переворота в Турции. Турция может похвастаться мощной армией, второй по численности в НАТО после США. Сухопутные войска Турции состоят из четырёх армий, каждая из которых имеет собственный штаб, пункты дислокации и выполняет самостоятельные задачи. Ряд факторов вынуждают Турцию уделять большое значение мощи своей армии, важнейшими из которых являются ее географическое

расположение вблизи регионов, переживающих постоянные кризисы (Ближний Восток, Кавказ, Балканы), а также внутренние военные проблемы с курдами на юго-востоке Турции.

Под руководством Партии справедливости и развития турецкие военные базы были созданы в Сирии, Ливии, Катаре и Сомали, а турецкая армия участвовала в многочисленных войнах, вмешиваясь во внутренние дела Сирии, Ирака и Ливии и спонсируя ополченцев и наемников в этих странах. «В настоящее время около 15% Вооружённых сил Турции дислоцируются на территории других стран» [1]. Кроме того, Турция участвовала в Нагорно-карабахской войне в 2020 г. и оказывала все формы военной поддержки Азербайджану. Турецкая армия также участвует в большом количестве миротворческих миссий под руководством Организации Объединённых Наций и НАТО, что придало турецкой армии высокий статус на международном уровне.

В настоящее время существует ряд факторов, указывающих на возможность нового военного переворота в Турции и использования огромной мощи, которой обладает армия, для восстановления своей политической роли. Несмотря на многочисленные и разнообразные конституционные изменения, внесенные Партией справедливости и развития, их оказалось недостаточно для отстранения военной элиты от политических ролей. Действительно, конституционные изменения, лишившие военную элиту политических ролей, которые она привыкла играть, не оставили ей иного выбора, кроме как прибегнуть к насильственным методам (перевороты — один из них) в качестве способа реализации этих ролей, когда появляется соответствующая возможность. Турецкая армия по-прежнему придерживается менталитета «защитника светской республики», которая укоренилась в течение нескольких десятилетий и стала традицией среди военной элиты.

Военная элита также рассматривает судебную систему, контролируемую правительством Партии справедливости и развития, как систему, которая стремится к мести и лишена справедливости. Это связано с результатами военных процессов по делам «Эргенекон» (завершился в сентябре 2012 г.) и «Кувалда» (завершился в августе 2013 г.), по которым сотни офицеров были осуждены и приговорены к тюремному заключению (в том числе начальник Генштаба и ряд командиров армии) под предлогом того, что они планируют посеять хаос в Турции, и оправдали осуществление военного переворота с целью свержения правительства Партии справедливости и развития. Турецкая судебная система не смогла обеспечить справедливые судебные разбирательства для офицеров армии, что вызвало обеспокоенность по поводу прав обвиняемых и честности судебных процессов. В начале 2012 г. половина турецких адмиралов и каждый десятый генерал, находящийся на действительной службе, были заключены в тюрьму по обвинению в заговоре с целью свержения правительства [10, с. 100]. Кроме того, в апреле 2012 г. состоялся суд над организаторами переворота 1980 г., а в сентябре 2013 г. — над организаторами переворота 1997 г., что привело к росту недоверия между турецкой армией и правительством.

Есть еще один мотивирующий фактор военного переворота в Турции в ближайшем будущем, поскольку ухудшение экономической ситуации в странах обычно увеличивает вероятность военного переворота. Сокращение расходов на оборону приводит к тому, что военные ощущают угрозу своим личным интересам и репутации военного ведомства как государственного института. Подобное уже случалось в Турции, где инфляция, сказавшаяся на положении офицеров, стала одной из причин переворота в мае 1960 г. Неспособность перейти к более открытой экономике стала одной из причин переворота в сентябре 1980 г. И в настоящее время Турция страдает от высокого уровня инфляции и плохих экономических показателей, что может побудить военную элиту счесть это оправданным поводом для совершения государственного переворота.

Турецкие военные также опираются на поддержку международных политических и медийных кругов, о чём свидетельствует реакция Запада после попытки переворота в 2016 г.

¹ Сивков К. Анкара и ее амбиции. Канал Россия сегодня. [Электронный ресурс]. URL. <https://arabic.rt.com/press/1260990-%D8%A3%D9%86%D9%82%D8%B1%D8%A9%D9%> (дата обращения: 11.03.2026).

В статье, опубликованной американским сайтом «Fox News», говорится, что «неудавшийся переворот был последней надеждой Турции остановить исламизацию правительства и деградацию общества» [6, с. 132]. Немецкая газета Der Spiegel назвала Эрдогана диктатором. В ответ на это Р. Эрдоган раскритиковал западные державы, открыто обвинив их в поддержке терроризма и попустительстве попытке переворота.

Существует ряд внутренних факторов, которые могут подтолкнуть военных к совершению переворота в будущем. К ним относятся растущее влияние консервативных происламистских элит, ослабление политической власти светских деятелей в судебной системе, политике, СМИ и экономике, которые традиционно являются союзниками военного истеблишмента, а также неспособность решить традиционные проблемы безопасности политическим путём (такие как курдский и кипрский вопросы).

Выводы

Турецкие военные занимают привилегированное положение, позволяющее их элите играть ключевую роль в политической жизни страны. Хотя Партии справедливости и развития удалось ослабить политическое влияние турецких военных, это не помешало им попытаться восстановить свою политическую роль. Турецкая армия всегда использовала свою силу, свое огромное наследие в политической деятельности, свое престижное положение среди турецкого населения, а также поддержку светских политических элит.

Попытка переворота 2016 г. – наглядный пример нежелания турецких военных расстаться со своей властью и явный признак того, что они воспользуются любой возможностью, чтобы вернуть себе привычную политическую роль. На фоне всего этого сохраняется вероятность еще одного военного переворота, учитывая беспокойную политическую обстановку в Турции.

Существует вероятность, что следующая попытка военного переворота произойдет к 2028 г., если президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган решит внести поправки в конституцию, чтобы продлить свой срок, или если будет выбран преемник, не обладающий той же властью и контролем над политическим истеблишментом Турции. Различные слои населения Турции встанут на сторону военного истеблишмента, особенно после усиления репрессий и преследований, практикуемых правящей партией против своих оппонентов из числа секуляристов, курдов, алевитов и группы «Фетхуллах Гюлен».

Все эти силы, включая политическую элиту, покинувшую Партию справедливости и развития и образовавшую независимые партии (в первую очередь бывший президент Абдулла Гюль, и бывший министр иностранных дел Ахмет Давутоглу), ждут подходящего момента, чтобы отстранить Партию справедливости и развития от власти.

Литература

1. Абдул Джалил Т. Вооруженные силы и конституция в Турции: от «железного кулака» к конституции без вооруженных сил. Каир: Египет. Издательство «Возрождение Египта». 2013. – 240 с.
2. Агнор М. Основные события и преобразования в отношениях между гражданским обществом и военными в эпоху правления Партии справедливости и развития // Журнал Видение Турции (Стамбул: Турция). – 2014. - № 11. - С. 89-112.
3. Азимов К. Кто стоит за попыткой переворота в Турции? // Россия и мусульманский мир. – 2017. - № 2 (296). – С. 81-91.
4. Айдын К, Тотар Х, Ишихан П, Демир М, Гука А, Билгин А. 15 июля 2016 г. победа "Народной воли". Партия справедливости и развития: председатель Комитета по социальной политике. Анкара: Турция. 2017. – 304 с.
5. Аль-Саеда Т. Исламские движения в современной Турции: теоретические и практические исследования. Каир: Египет. Издательство: «Дар Джавад аль Шарк». 2001. – 288 с.
6. Байракли А. Как западные СМИ освещали попытку государственного переворота в Турции // Журнал Видение Турции (Стамбул: Турция). – 2017. - № 4. С. 127-139.
7. Денни И. Исламская политическая элита в Турции и ее роль в процессе демократизации // Журнал гуманитарных и социальных наук (Алжир: университет Бискра). - 2017. - № 6(4). - С. 319-348.
8. Кантельмо М. Падение кемализма и новое лицо политического ислама: решающие годы в истории Турции (1980-2002) // Афинский исторический журнал (Рим: Италия). - 2018. – Т. 4. - № 1. - С. 37-54.
9. Курт В. Попытка государственного переворота 15 июля и ее последствия в контексте отношений (политики и военных) // Журнал Видение Турции (Стамбул: Турция). – 2016. - № 3. - С. 31-44.
10. Мади А.Ф. Демократия и винтовка: военно–гражданские отношения и политика модернизации Вооруженных сил. – М.: Издательство АСВ, 2021. - 148 с.
11. Нуреддин М. Озадаченная республиканская Турция: подходы к религии, политике и международным отношениям. Бейрут: Ливан. Центр стратегических исследований и документации. 1998. – 269 с.
12. Нуреддин М. Шляпа и тюрбан: знакомство с исламскими движениями в Турции. Бейрут: Ливан. Издательство «Дар Аль-Нахар», 1997. – 256 с.
13. Озтюрк Д.Д. В обвинительных актах фигурируют террористическая организация Гюлена и попытка государственного переворота 15 июля 2016 года // Журнал Видение Турции (Стамбул: Турция). – 2018. - № 27. - С. 159-191.
14. Озтюрк Д.Д. Судебные процессы, которые пройдут 15 июля, продолжаются уже четвертый год // Журнал Видение Турции (Стамбул: Турция). - 2020. - № 117 - С. 135-150.
15. Рабаса А, Ларраби С. Подъем политического ислама в Турции. Калифорния: Соединенные Штаты Америки. Корпорация RAND. 2008. – 135 с.
16. Сулейманов Р., Хикметов К. Роль «курдского фактора» в попытке государственного переворота 15 июля 2016 года в Турции // Россия и мусульманский мир. – 2017. - № 3 (297). - С. 84-96.
17. Тагиан Ш. Шейх-президент Реджеп Тайип Эрдоган - муэдзин Стамбула и разрушитель идола Ататюрка. Дамаск: Сирия. Дом арабской книги. 2011. – 335 с.
18. Тахер А, Омари Ф.З. Роль движений политического ислама в политических преобразованиях Партии справедливости и развития в 2001-2015 годах в качестве модели. Университет Тибси. (Алжир). Серия: Факультет права и политологии. 2015. – 112 с.
19. Товсултанова М.Ш., Товсултанов Р.А., Галимова Л.Н. Военный переворот в Турции 27 мая 1960 года: предпосылки, движущие силы и последствия // Самарский научный вестник. – 2020. – Т. 9. - № 1 (30). – С. 205-209. DOI 10.24411/2309-4370-2020-11215.
20. Уная С., Дилек Ш. Политическая экономия провалившейся попытки государственного переворота 15 июля // Понимание Турции. (Стамбул: Турция). – 2016. - № 3. - С. 205-231.

21. Хилал Р. Каир: Египет. Турция с мечом и полумесяцем от Ататюрка до Эрбакана: конфликт между военным истеблишментом и политическим исламом. - Каир: Египет. Дом восход. 1999.

References

1. Abdul Jalil T. Vooruzhennye sili i konstitutsiya v Turtsii: ot «zheleznogo kulaka» k konstitutsii bez vooruzhennykh sil [The armed forces and the Constitution in Turkey: from an iron fist to a constitution without armed forces]. Kair: Yegipet. Izdatelstvo Vozrozhdenie Yegipta Publ. 2013. 240 p. (In Arabic).
2. Agnor M. Osnovnye sobitiya i preobrazovaniya v otnosheniyakh mezhdru grazhdanskim obshchestvom i voennymi v epokhu pravleniya Partii spravedlivosti i razvitiya [The main events and transformations in relations between civil society and the military in the era of the rule of the Justice and Development Party]. Zhurnal Videnie Turtsii (Sambul: Turtsiya) [Turkish Vision Magazine (Istanbul: Turkey)]. 2014, I. 11, pp. 89-112. (In Turkish).
3. Asimov K. Kto stoit za popitkoi perevorota v Turtsii? [Who is behind the attempted coup in Turkey?]. Rossiya i musul'manskii mir. [Russia and the Muslim world]. 2017, I. 2 (296), pp. 81-91. (In Russian).
4. Aydin K, Totar X, Ishihan P, Demir M, Guka A, Bilgin A July 15 iyulya 2016 g. pobeda Narodnoi voli. Partiya spravedlivosti i razvitiya: predsedatel Komiteta po sotsialnoi politike. [15, 2016 victory of Narodnaya Volya. Justice and Development Party: Chairman of the Committee on Social Policy]. Ankara: Turtsiya, 2017, 304 p. (In Turkish).
5. Al-Sa'eda T. Islamskie dvizheniya v sovremennoi Turtsii: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya [Islamic movements in modern Turkey: theoretical and practical studies]. Kair: Yegipet. Izdatelstvo Dar Dzhabad al Shark Publ., 2001, 288 p. (In Arabic).
6. Bayrakli A. Kak zapadnie SMI osveshchali popitku gosudarstvennogo perevorota v Turtsii [How the Western media covered the coup attempt in Turkey]. Zhurnal Videnie Turtsii (Sambul: Turtsiya) [Turkish Vision Magazine (Istanbul: Turkey)]. 2017, I. 4, pp. 127-139. (In Turkish).
7. Denny I. Islamskaya politicheskaya elita v Turtsii i yee rol v protsesse demokratizatsii [The Islamic political elite in Turkey and its role in the democratization process]. Zhurnal gumanitarnykh i sotsialnykh nauk (Alzhir: universitet Biskra) [Journal of Humanities and Social Sciences (Algeria: University of Biskra)]. 2017, I. 6(4), pp. 319-348. (In Arabic).
8. Cantelmo M. Padenie kemalizma i novoe litso politicheskogo islama: reshayushchie godi v istorii Turtsii (1980-2002) [The fall of Kemalism and the new face of Political Islam: crucial years in the history of Turkey (1980-2002)]. Afinskii istoricheskii zhurnal (Rim: Italiya) [Athenian Historical Journal (Rome: Italy)]. 2018, Vol. 4, I. 1, pp. 37-54. (In Italy).
9. Kurt V. Popitka gosudarstvennogo perevorota 15 iyulya i yee posledstviya v kontekste otnoshenii (politiki i voennykh) [The coup attempt on July 15 and its consequences in the context of relations (politics and military)]. Zhurnal Videnie Turtsii (Sambul: Turtsiya) [Vision of Turkey Magazine (Istanbul: Turkey)]. 2016, I. 3, pp. 31-44. (In Turkish).
10. Madi A.F. Demokratiya i vintovka: voenno-grazhdanskoe otnosheniya i politika modernizatsii Vooruzhennykh sil [Democracy and the rifle: military-civil relations and the policy of modernization of the Armed Forces]. M. Izdatelstvo ASV Publ., 2021, 148 p. (In Russian).
11. Nouredin M. Ozadachennaya respublikanskaya Turtsiya: podkhodi k religii, politike i mezhdunarodnim otnosheniyam [A Puzzled Republican Turkey: Approaches to Religion, Politics, and International Relations]. Beirut: Livan. Tsentr strategicheskikh issledovaniy i dokumentatsii Publ., 1998, 269 p. (In Arabic).
12. Nouredin M. Shlyapa i tyurban: znakomstvo s islamskimi dvizheniyami v Turtsii [Hat and turban: an introduction to Islamic movements in Turkey]. Beirut: Livan. Izdatelstvo «Dar Al-Nakhar Publ., 1997, 256 p. (In Arabic).
13. Ozturk D.D. V obvinitelnykh aktakh figuriruyut terroristicheskaya organizatsiya Gyulena i popitka gosudarstvennogo perevorota 15 iyulya 2016 goda [The indictments include Gulen's coup attempt on July 15, 2016].

- terrorist organization and the attempted coup on July 15, 2016]. Zhurnal Videnie Turtsii (Stambul: Turtsiya) [Turkish Vision Magazine (Istanbul: Turkey)]. 2018, I. 27, pp. 159-191. (In Turkish).
14. Ozturk D.D. Sudebnie protsessi, kotorie proidut 15 iyulya, prodolzhayutsya uzhe chetvertii God [The trials that will take place on July 15 have been going on for the fourth year]. Zhurnal Videnie Turtsii (Stambul: Turtsiya) [Turkish Vision Magazine (Istanbul: Turkey)]. 2020, I. 117, pp. 135-150. (In Turkish).
 15. Rabasa A, Larrabee S. Podem politicheskogo islama v Turtsii [The rise of Political Islam in Turkey]. Kaliforniya: Soedinennie Shtati Ameriki. Korporatsiya RAND Publ., 2008, 135 p. (In English).
 16. Suleymanov R., Hikmetov K. Rol «kurdsckogo faktora» v popitke gosudarstvennogo perevorota 15 iyulya 2016 goda v Turtsii [The role of the Kurdish factor in the July 15, 2016 coup attempt in Turkey]. Rossiya i musulmanskii mir [Russia and the Muslim world]. 2017, I. 3 (297), pp. 84-96. (In Russian).
 17. Tagian S. Sheikh-prezident Redzhap Taiip Erdogan - muedzin Stambula i razrushitel idola Ataturka [Sheikh-President Recep Tayyip Erdogan is the muezzin of Istanbul and the destroyer of the idol of Ataturk]. Damask: Siriya. Dom arabskoi knigi Publ., 2011, 335 p. (In Arabic).
 18. Taher A., Omari F.Z. Rol dvizhenii politicheskogo islama v politicheskikh preobrazovaniyakh Partii spravedlivosti i razvitiya v 2001-2015 godakh v kachestve modeli [The role of political Islam movements in the political transformations of the Justice and Development Party in 2001-2015 as a model]. Universitet Tibsi. (Alzhir). Seriya: Fakultet prava i politologii Publ., 2015, 112 p. (In Arabic).
 19. Tovsultanova M.Sh., Tovsultanov R.A., Galimova L.N. Voennii perevorot v Turtsii 27 maya 1960 goda: predposilki, dvizhushchie sili i posledstviya [The military coup in Turkey on May 27, 1960: prerequisites, driving forces and consequences]. Samarskii nauchnii vestnik [Samara Scientific Bulletin]. 2020, V. 9, I. (30), pp. 205-209. DOI 10.24411/2309-4370-2020-11215. (In Russian).
 20. Unaya S., Dilek S. Politicheskaya ekonomiya provalivsheisya popitki gosudarstvennogo perevorota 15 iyulya [The political economy of the failed coup attempt on July 15]. Ponimanie Turtsii. (Stambul: Turtsiya) [Understanding Turkey. (Istanbul: Turkey)]. 2016, I. 3, pp. 205-231. (In Turkish).
 21. Hilal R. Turtsiya s mehom i polumesyatsem ot Ataturka do Erbakana: konflikt mezhdu voennim isteblishmentom i politicheskim islamom [Cairo: Egypt. Turkey with the sword and the crescent moon from Ataturk to Erbakan: the conflict between the military establishment and political Islam]. Kair: Yegipet. Dom Voskhod Publ., 1999. (In Arabic).